

С.Н. ОКСАМИТНАЯ

ТЕНДЕНЦИИ МЕЖПОКОЛЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ОКСАМИТНАЯ Светлана Николаевна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины.

Исследования социальной стратификации и мобильности давно уже стали традиционной, теоретически, методологически и эмпирически обеспеченной отраслью социологического знания. Природа и масштабы мобильности служат основанием для оценки индивидами общественного порядка, в котором они живут. Движение в иерархически организованном социальном пространстве статусов и групп - важный показатель наличия в обществе равенства возможностей, классовой или групповой солидарности, уменьшения угрозы социального недовольства, конфликтов вследствие недоступности высокостатусных позиций. Данные о социальной мобильности зачастую используются как свидетельство открытости общества, означающей возможность замещения позиций всех уровней на основании заслуг и достижений человека, а не социального происхождения и других предписанных характеристик.

С конца 40-х годов нашего столетия систематическое изучение социальной стратификации и мобильности, очень скоро вышедшее на уровень кросс-культурных исследований, поддерживалось тремя поколениями социологов, имеющих значительные отличия в теоретико-методологических обоснованиях, измерительных процедурах, методах сбора и анализа данных [1]. Среди наиболее известных имен - Д. Гласс, С. Липсет, Х. Зеттерберг, Р. Бендикс, К. Сваластога, П. Блау, О. Данкен, Д. Феррман, Р. Хаузер, Д. Трейман, Р. Эриксон и др. Третье поколение исследователей социальной мобильности среди прочих представляет английский социолог Джон Голдторп. Его так называемая классовая схема была использована для анализа тенденций межпоколенной мобильности в украинском обществе.

Дж. Голдторп и его коллеги из Оксфордского университета, осуществив первичный и вторичный анализы данных исследований социальной мобильности в США, Австралии, Японии и ряде европейских стран, еще недавно разделенных на капиталистические и социалистические (Великобритания, Франция, ФРГ, Ирландия, Швеция, Польша и Венгрия), укрепили свои позиции в традиционных дебатах по поводу временных и исторических тенденций социальной подвижности, открытости и закрытости обществ, взаимосвязи образцов мобильности и социально-политических режимов. Разделяя высказанные еще П. Сорокиным убеждения, Дж. Голдторп доказывает "внеисторичность" социальной мобильности, т.е. отсутствие устойчивой и постоянно воспроизводимой тенденции к ее увеличению или уменьшению. Культурные и политические отличия обществ существенно не влияют на социальную подвижность индивидов. Вернее, некоторые отличия наблюдаются, но они не носят систематического характера. Во всех обществах, которые можно идентифицировать как индустриально развитые, наблюдаются приблизительно одинаковые параметры и направления мобильности, определяемые индустриальной формой разделения труда и неравенством, которые она генерирует.

В поле зрения отечественной социологии как предмет анализа и интерпретации социальная мобильность появилась сравнительно поздно - в конце 70-х годов. Проводимые исследования по своим теоретико-методологическим основаниям, измерительным процедурам и выводам существенно отличались от работ вышеупомянутых

социологов. Социальная структуризация общества как контекст мобильности представляла собой преимущественно совокупность профессионально-квалификационных групп, видов занятости и отраслей, а также социальных типов семей. Однако результаты отечественных исследований давали довольно обоснованную в то время картину социальной подвижности украинского общества, прежде всего городского населения [2, 3,4]. Схемы классовой структуры, обоснованные социологами, изучающими индустриально развитое западное общество, как модель структурирования и анализа тенденций подвижности населения нашей страны ранее не использовались. В 90-е годы такая возможность появилась. Результат ее осуществления отражен в данной статье.

Для анализа межпоколенной социальной мобильности в Украине использовались данные исследовательского проекта "Отношение к преобразованиям", эмпирический этап которого осуществлялся сотрудниками фирмы "СОЦИС-ГЭЛЛАП" в 1993 и 1995 годах. Опросы проводились по репрезентативной для Украины модели выборки, предполагающей большой возрастной охват респондентов (от 18 до 75 лет), что дало возможность временного сравнения направлений социальной мобильности выходцев из различных социальных классов. Общее количество респондентов анализируемых исследований составило 5037 человек.

В основу социальной идентификации респондентов положена схема классовой дифференциации современного общества, разработанная Дж. Голдторпом и применяемая им для национальных и сравнительных исследований социально-классовой структуры и тенденций социальной мобильности [5; 6]. Схема Дж. Голдторпа представляет собой семь основных классов, образованных на основе дифференциации позиций занятости на рынке труда и в производственных единицах (предприятиях, организациях, фирмах и т.п.). Иными словами, позиции в социальном пространстве дифференцируются в терминах отношений занятости. Дж. Голдторп ссылается на К. Маркса и М. Вебера как классические источники такого подхода, признавая в то же время необходимость адаптации исходных принципов с целью анализа классовой мобильности занятого населения индустриально развитых стран второй половины XX столетия.

Таким образом, отношения занятости являются определяющими для структурирования позиций в современном обществе. Базисное трехчленное распределение классовых позиций, истоки которого можно найти в работах классиков социологии, выглядит следующим образом: 1) работодатели - те, кто оплачивает труд других, обладая определенным уровнем власти и контроля над ними; 2) самозанятые работники, не имеющие других наемных работников, - те, кто не покупает труд других, но и не продает свой собственный; 3) наемные работники, продающие свой труд работодателям и, следовательно, испытывающие на себе определенную степень власти и контроля.

Признавая исходным такое распределение классовых позиций, Дж. Голдторп отмечает, что на протяжении XX столетия в сфере трудовой занятости произошли два очень важных и тесно взаимосвязанных изменения. Во-первых, произошла трансформация собственности в корпоративную форму - частную или общественную (public), в результате чего работодателями чаще становились организации, а не отдельные индивиды. Во-вторых, существенно увеличилось число наемных работников в общем количестве экономически активного населения, что сопровождалось увеличением разнообразия форм отношений между наемными работниками и работодателями, особенно когда последними становились быстро бюрократизирующиеся организации.

Следовательно, неадекватно было бы рассматривать всех наемных работников как находящихся в одинаковой классовой позиции. Фактически они занимают различные позиции на рынке труда, зависящие от конкретной ситуации. Больше всего, по мнению Дж. Голдторпа, отличаются отношения занятости, в основе которых лежит трудовой контракт, и отношения, типичные для бюрократических организаций. В основе первых - отношения обмена трудовых усилий работников на деньги. Отношения занятости в бюрократической организации предусматривают более сложный обмен. Занятые предоставляют услуги в обмен на компенсацию, подразумевающую не только

вознаграждение за выполненную работу, но также включающую важные перспективные моменты: перспективу увеличения оплаты (ставки) на основании принятой в организации схемы, четкие пути и возможности для карьерного продвижения и т.п. Такие отношения обычно существуют там, где от наемных работников требуется исполнять делегированную власть (руководство) или применять специальные знания в интересах организации, которая их наняла.

Дж. Голдторп предлагает различать семь основных классов в современном индустриально развитом обществе: **I класс** - профессионалы наиболее высокого уровня власти, управления, квалификации (как самозанятые, так и наемные); руководители, администраторы и менеджеры больших промышленных предприятий; крупные собственники. К наемным профессионалам относятся представители высококвалифицированного умственного труда (военные, врачи, ученые, инженеры, финансисты, юристы, экономисты и проч.). **II класс** - профессионалы более низкого уровня квалификации, власти и управления; администраторы и менеджеры небольших промышленных предприятий; руководители среднего уровня, в подчинении которых заняты нефизическим трудом наемные работники. **III класс** - обычные работники нефизического труда, рядовые представители административных органов, сферы торговли, обслуживания, коммерции (технический персонал государственных учреждений и местных органов власти, секретари, кассиры, контролеры, операторы ЭВМ и проч.). **IV класс** - мелкие частные собственники; занятые индивидуальной трудовой деятельностью; фермеры. **V класс** - технический персонал без высшего или среднего специального образования, а также преимущественно руководители низшего звена, в подчинении которых заняты физическим трудом наемные работники (бригадиры, прорабы, мастера, заведующие секторами и проч.). **VI класс** - квалифицированные работники физического труда в промышленности, строительстве, на транспорте. **VII класс** - полу- и неквалифицированные работники физического труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Согласно этой схеме, крупные собственники-работодатели не составляют отдельного класса. Дж. Голдторп считает, что для массовых репрезентативных опросов их попадание в выборку является скорее исключением, чем правилом. Основная же причина того, почему собственники вместе с высококвалифицированными профессионалами относятся к I классу, состоит в том, что они обычно довольно активно вовлечены в управленческую деятельность. С другой стороны, руководители и менеджеры, относящиеся к I классу, как правило, владеют существенной частью собственности на предприятиях, где они работают по найму. Дж. Голдторп обращает внимание на два класса - III и V, как на промежуточные, поскольку в позициях, их составляющих, отношения занятости имеют смешанные формы. Позиции III класса находятся у основания административных, управленческих и профессиональных бюрократий. Позиции же V класса обычно очень близки к положению занятых физическим трудом наемных работников, но все-таки отличаются от них минимальным уровнем власти и ответственности.

В социологии сложились две основные традиции в интерпретации и измерении социальной подвижности индивидов. Согласно первой, мобильность описывается как перемещение внутри классовой структуры, в конструкцию которой не заложен принцип иерархического построения или упорядочения классов. Движение индивидов происходит между социальными позициями, определяемыми в терминах отношений занятости внутри рынка труда и реально функционирующих предприятий и организаций. Представители другой традиции предпочитают говорить о вертикальных перемещениях индивидов между социальными общностями, стратифицированными на основании таких критериев, как социально-экономический статус, престиж, образование, власть и т.п. Дж. Голдторп склонен интерпретировать движение индивидов внутри классовой структуры как структуры занятости, а не социальной иерархии, хотя одновременно признает, что за отношениями занятости может стоять неравномерный Доступ представителей различных классов к социальным ресурсам, власти, возна-

граждению и т.п., а, следовательно, допускает возможность интерпретации индивидуальных переменных как восходящей или нисходящей социальной мобильности. Применение классовой схемы Дж. Голдторпа для анализа структуры украинского общества середины 90-х годов оказалось вполне приемлемым, несмотря на целый ряд особенностей. Во-первых, к этому времени в общем количестве активного населения существовало слишком мало позиций и, соответственно, индивидов, которых можно было бы идентифицировать как крупных, средних и даже мелких собственников. Соответственно они слабо представлены в выборке. IV класс мелких собственников оказался наиболее малочисленным в выборке и практически малоприспособленным для статистического анализа. Среди 4630 респондентов только 104 (2,2%) отнесены к этому классу. Во-вторых, в украинском обществе по сравнению с развитыми западными странами существенно большая часть населения продолжает заниматься сельскохозяйственным трудом. Поэтому вполне целесообразно выделение еще одного, VIII-го класса наемных работников, занятых только сельскохозяйственным трудом.

В целом социальная идентификация респондентов, опрошенных по репрезентативной для Украины выборке, согласно схеме Дж. Голдторпа оказалась следующей: I класс - 12,0% респондентов; II класс - 15,0%; III класс - 12,9%; IV класс - 2,2%; V класс-7,1%; VI класс- 16,7%; VII класс-22,6%; VIII класс- 11,5%.

Основные тенденции межпоколенной классовой мобильности

Тенденции межпоколенной социальной мобильности в современном украинском обществе анализировались путем сравнения класса, к которому принадлежали респонденты в момент опроса, с классовой принадлежностью их отцов в период, когда опрошенным исполнилось 14 лет. Статус респондентов, которые в момент опроса нигде не работали, определялся согласно их образованию и занятию до выхода на пенсию или потери работы*.

В таблице 1 представлены данные о мобильности всех респондентов анализируемых исследований, ответивших на вопросы о собственной профессии, образовании и статусе занятости, а также о соответствующих характеристиках отца. Эти данные показывают, какой является классовой позицией респондента по сравнению с позицией отца, удалось ли респонденту на момент опроса воспроизвести классовую принадлежность последнего или осуществить движение в социально-классовом пространстве. В целом можно утверждать, что в украинском обществе происходил довольно интенсивный процесс межпоколенной классовой мобильности. Треть тех, чьи отцы представляли I и II классы, по своему статусу занятости принадлежали к тем же классам. И это наибольший показатель классовой иммобильности для всей выборочной совокупности. Каждый четвертый-пятый респондент, выраставший в семье отца-рабочего, занятого квалифицированным или неквалифицированным физическим трудом, остался в этой же классовой среде. Еще меньшими были пределы наследования детьми отцовского занятия сельскохозяйственным трудом, определявшего его принадлежность к VIII классу. С такой же довольно незначительной интенсивностью самовоспроизводился и III класс рядовых работников нефизического труда.

Данные таблицы 1 убеждают в том, что "короткодистанционная" мобильность, т.е. перемещения респондентов-детей в классы, смежные с классами их отцов, существенно превышала мобильность на "длинные дистанции". Если посмотреть, например, на мобильность респондентов - выходцев из VIII класса, то лишь 17% из них осуществили восходящую мобильность в I или II классы, около 20% остановили такое движение в III или V классах. В то же время почти половина детей - выходцев из VIII класса (42%) совершили социальную мобильность к двум смежным классам квали-

*Тот факт, что люди, по какой-либо причине оказавшиеся вне сферы занятости, продолжают нести весь ценностно-нормативный "багаж" прошлой классовой принадлежности, неоднократно подтверждался результатами социологических исследований, включая и те, в которых использовалась классовая схема Дж. Голдторпа [7].

Межпоколенная социальная мобильность в Украине, в % от опрошенных

Класс отца	Класс респондента									Всего (чел.)	%
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII			
I	35,0	25,1	10,2	2,7	4,2	11,4	9,0	2,4	334	11,2	
II	21,7	35,4	13,7	3,1	5,6	7,4	10,6	2,5	161	5,4	
III	10,1	26,1	14,3	1,7	4,2	10,9	24,4	8,4	119	4,0	
IV	13,0	12,0	7,6	2,2	12,0	12,0	23,8	17,4	92	3,1	
V	22,0	15,3	14,8	1,8	10,3	14,8	15,2	5,8	223	7,5	
VI	11,4	16,2	13,7	1,4	8,8	20,9	23,6	4,0	569	19,1	
VII	11,7	15,6	14,3	2,6	7,9	17,4	25,7	4,8	622	20,9	
VIII	6,3	10,9	12,1	2,1	7,1	17,2	24,8	19,5	860	28,8	
Всего	12,0	15,0	12,9	2,2	7,1	16,7	22,6	11,5	2980	100	

фицированного и неквалифицированного физического труда. Нисходящая мобильность детей, отцы которых принадлежали к наивысшему I классу, демонстрирует подобную тенденцию "коротких дистанций". Среди тех, кто не остался в этом классе, 35% переместились в близлежащие II и III классы, и только 20% оказались значительно ниже (по уровню квалификации и характеру отношений занятости) - в среде квалифицированного и неквалифицированного физического труда.

В целом говорить о явном доминировании в украинском обществе восходящей социальной мобильности, очевидно, некорректно. Результаты исследования дают основание утверждать об относительном преобладании движения вверх в социальной иерархии преимущественно когда речь идет о мобильности на "длинных дистанциях". Движение в нисходящем направлении остается довольно распространенным. Если взять, например, выходцев из VIII класса, то 17% из них действительно осуществили длительную восходящую мобильность к двум самым верхним классам. Однако дети, происходившие из I класса, одновременно двигались в противоположном направлении, и каждый десятый остановился на двух нижних позициях классовой схемы.

Еще более наглядной является межпоколенная социальная мобильность выходцев из V класса. Только 10,3% респондентов остались в этом классе. Движение остальных происходило в вертикальном измерении как вверх, так и вниз. Почти одинаковое количество (около 40%) выходцев из V класса осуществили как восходящую мобильность, переместившись в I и II классы, так и нисходящую мобильность, став представителями VI-VIII классов.

В чем и насколько отличается украинское общество от развитого капиталистического с точки зрения тенденций социальной мобильности? Ответ могли бы дать сравнительные исследования. Но в ситуации отсутствия таковых воспользуемся данными Дж. Голдторпа и его коллег о межпоколенной мобильности в Британии, опубликованными во второй половине 80-х годов [5, р. 49; 8]. Помня о некоторой условности подобного сравнения и не прибегая поэтому к детальному анализу, отметим только наиболее заметные отличия (табл. 2). Они видны прежде всего на полюсах классовой схемы. Среди тех, чьи отцы принадлежали к I классу, почти половина (45,7%) остались в этом же классе. В Украине выходцы из I класса реже воспроизводили статус отцов. Очевидно, можно говорить о большей социальной закрытости или самовоспроизводимости высшего класса в Британии. Одним из объяснений может быть отношение к этому классу не только профессионалов и руководителей с высшим образованием, но и крупных собственников, капитал которых чаще всего наследуется детьми. Украина находится лишь в начале процесса формирования слоя собственников, состояние которых в перспективе будет наследоваться детьми.

Посмотрев на другой полюс социальной иерархии, легко заметить противополож-

Таблица 2

Межпоколенная социальная мобильность в Британии, в % от опрошенных

Класс отца	Класс респондента							Всего (чел.)	%
	I	II	III	IV	V	VI	VII		
I	45,7	19,1	11,6	6,8	4,9	5,4	6,5	680	7,9
II	29,4	23,3	13,1	6,0	9,7	10,8	8,6	547	6,4
III	18,6	15,9	13,0	7,4	13,0	15,7	16,4	687	8,0
IV	14,0	14,4	9,1	21,1	9,9	15,1	16,3	886	10,3
V	14,4	13,7	10,2	7,7	15,9	21,4	16,8	1072	12,5
VI	7,8	8,8	8,4	6,4	12,4	30,6	25,6	2577	30,0
VII	7,1	8,5	8,8	5,7	12,9	24,8	22,2	2126	24,8
Всего	14,3	12,2	9,6	8,0	12,0	22,0	21,8	8575	100

ную тенденцию: чаще воспроизводимую детьми классовую принадлежность отцов в украинском обществе выходцами из VII и VIII классов. Если их объединить в один класс в соответствии с концепцией Дж. Голдторпа, то количество детей, не вышедших за пределы самого нижнего класса, к которому принадлежали их отцы, составит 45,2%. В Британии же такое самовоспроизводство происходило в два раза реже (22,2%). В этом случае речь может идти прежде всего о менее благоприятных структурных и личностных предпосылках для осуществления восходящей социальной мобильности.

Еще одно заметное отличие касается IV класса. Источником социальных признаков его представителей (мелкие собственники, лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, фермеры) является приобретение или наследование земли и мелких средств производства. Если для Британии такие отношения являются постоянно воспроизводимыми на протяжении многих поколений, то для Украины пребывают в самой начальной стадии формирования и легитимации. Поэтому легко предсказуемо и объяснимо резкое отличие в численности и тенденциях мобильности выходцев из данного класса.

Если говорить о социальной мобильности в целом, то британские социологи отмечают те же тенденции, которые мы наблюдаем в украинском обществе: значительную социальную подвижность; существенное преобладание "короткодистанционных" перемещений в близлежащие классы; наивысшие уровни самовоспроизводства на полюсах социальной иерархии. Однако, результаты исследований позволяют британским социологам констатировать факт преобладания восходящей социальной мобильности над нисходящей, о чем вряд ли можем уверенно говорить мы, применив классовую схему Дж. Голдторпа к изучению украинского общества.

Тенденции классовой мобильности с учетом возраста респондентов

Поскольку процесс достижения человеком различных социальных статусов тесно связан с его возрастом, с сопутствующими взрослению социально-экономическими и политическими преобразованиями в стране, в том числе с изменениями в структуре занятости, то вполне ожидаемыми будут отличия в тенденциях социальной мобильности людей разного возраста. Тем более, что возраст респондентов колебался в широких пределах, а украинское общество в течение жизни нескольких поколений превратилось из преимущественно аграрного в урбанизированное и индустриально развитое, что свидетельствует о наличии предпосылок для интенсивной структурной социальной мобильности. Чтобы убедиться в существовании возрастных отличий, респондентов разделили на несколько возрастных когорт (18-29 лет, 30-44 года, 45-59 лет и старше

Таблица 3

Межпоколенная социальная мобильность в разрезе возрастных когорт, в % от опрошенных

Класс отца	Возраст респондента	Класс респондента			
		III	III—V	VI-VII	VIII
I—II	Старше 60 лет	52,5	16,4	22,9	8,2
	45-59 лет	70,0	10,9	15,4	3,6
	30-44 лет	61,7	21,1	16,2	1,0
	18-29 лет	48,0	22,4	29,6	0,0
III-V	Старше 60 лет	26,4	19,8	34,9	18,9
	45-59 лет	40,0	16,4	38,2	5,4
	30-44 лет	34,0	31,3	27,8	6,9
	18-29 лет	38,9	25,0	31,9	4,2
VI-VII	Старше 60 лет	25,1	26,8	38,7	9,4
	45-59 лет	31,3	18,9	47,1	2,6
	30-44 лет	29,9	26,2	41,3	2,6
	18-29 лет	23,2	24,0	48,4	4,3
VIII	Старше 60 лет	16,1	15,4	40,7	27,8
	45-59 лет	18,6	24,7	37,7	19,0
	30-44 лет	16,7	21,0	49,0	13,3
	18-29 лет	17,1	31,7	37,8	13,4

60 лет) и сравнили их уровни мобильности. Более близкие между собой классы также оказалось целесообразным объединить в четыре группы [5, р. 71]. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Процессы индустриализации и урбанизации, участниками которых являются представители всех анализируемых возрастных когорт, означали интенсивное увеличение рабочих мест в промышленности, а также в сфере образования, науки, управления, всех видов обслуживания - так называемых беловоротничковых рабочих мест. Очевидно, заполнение последних происходило прежде всего за счет расширения самовоспроизводства в пределах I—II классов. К такому выводу подталкивает значительное увеличение количества детей, оставшихся в этих классах по происхождению, если сравнивать когорты старше и моложе 60 лет. 70% детей из когорты 45-59-летних на момент опроса оставались в той же классовой позиции (I—II классы), что и их отцы. Для всех классов и возрастных когорт это наибольший показатель социальной иммобильности, что можно интерпретировать и как высокий уровень социальной закрытости. Потенциально возрастная группа до 30 лет, очевидно, способна превзойти показатели предшествующих когорт относительно самовоспроизводства I—II классов, если уже к 30-летнему возрасту, который вряд ли можно считать пиком карьеры, половина ее представителей остается в пределах класса отцов. Чем моложе респонденты - выходцы из I—II классов, тем реже они перемещаются в VIII класс. Респонденты в возрасте до 45 лет, двигаясь по нисходящей, практически не достигают этой классовой позиции. Среди 16-29-летних таких нет вообще.

Зависимость тенденций социальной мобильности от возраста проявляется также среди выходцев из промежуточных III—V классов. В целом восходящая и нисходящая мобильность среди этих респондентов уравновешивают друг друга. Но с учетом возраста опрошенных наблюдаются существенные отличия. Чем моложе респонденты, тем выше уровень самовоспроизводства, а также возможности для социального восхождения. Среди представителей самой старшей возрастной когорты нисходящая

социальная мобильность превосходит восходящую, почти каждый пятый из них оказался среди занятых сельскохозяйственным трудом. У следующего поколения - 45-59-летних - было уже гораздо больше возможностей для перемещения в I—II классы. Превзойти их по уровню восходящей мобильности могут разве что самые молодые, среди которых уже 39% совершили такой шаг.

Выходцы из рабочих семей почти в половине случаев остаются в пределах классов квалифицированного и неквалифицированного физического труда. Относительно реже это происходило с самыми старшими, а также с 30-44-летними. Те же, кто более интенсивно перемещался в социальном пространстве, имели приблизительно одинаковые шансы "осесть" в близлежащих III—V классах или совершить более длительное восхождение к I—II классам. Последнее чаще удавалось представителям средних возрастных когорт.

Одним из показателей быстрого индустриального развития страны является уменьшение количества занятых сельскохозяйственным трудом, иначе говоря, снижение уровня воспроизводства детьми классовой принадлежности родителей. Это хорошо видно на примере возрастных когорт детей-выходцев из VIII класса. Если среди самых старших оставались в этом классе около 28% респондентов, то уже с представителями следующей возрастной группы - 45-59-летних - такое случалось в полтора раза реже (19%), а еще более молодых - вдвое реже (13%). Большинству выходцев из класса занятых сельскохозяйственным трудом пришлось совершать социальную мобильность. Около 40% из них, а среди 30-44-летних каждый второй, стали рабочими разных уровней квалификации в промышленности. Остальные сумели переместиться дальше, но примечательным является тот факт, что шансы совершить восходящую мобильность из VIII класса в I—II не изменились на протяжении 4-х поколений. Несмотря на структурные преобразования в экономике, массовую миграцию в города, доступность высокостатусных "беловоротничковых" позиций для выходцев из сельской местности не увеличивалась. Возможно, карьеры представителей самой молодой возрастной когорты нарушат эту тенденцию. Их потенциал социальной мобильности еще не исчерпан, процесс получения образования продолжается, а по количеству достигших позиций в I и II классах они уже не уступают представителям старших возрастных когорт.

Основные направления образовательной мобильности

Воспроизведение детьми социального статуса отца или перемещение в иные классы существенно зависит от достигнутого уровня образования. Последнее - важный механизм передачи преимуществ и привилегий от поколения к поколению, средство закрытия доступа к тем или иным социальным статусам или, наоборот, канал перемещения в социально-классовом пространстве. Тенденции социальной мобильности в образовательном ее аспекте, характерные для нашего общества, представлены в таблице 4.

Как видно из данных таблицы, уровень воспроизводства детьми достигнутого отцами образования является приблизительно одинаковым для 4-х его видов: неполного среднего, полного среднего, профессионально-технического (ПТУ) и среднего специального (техникум, училище - музыкальное, педагогическое, медицинское и др.) - около 24-30%. В отличие от них, респонденты из семей, где отец имел диплом о высшем образовании, в два раза чаще (60,5%) воспроизводят достигнутый отцом образовательный уровень.

Среди респондентов, чьи отцы имели неполное и полное среднее образование, доминирует тенденция получения ими образования, наиболее близкого по уровню к образованию отца. Относительно реже они заканчивают высшие учебные заведения. Для детей, отцы которых получили среднее специальное образование, характерной является тенденция преимущественно восходящей мобильности. 39,3% из них, а это наибольшее количество на фоне всех предыдущих групп, пополняют ряды владельцев

Основные тенденции образовательной мобильности, в % от опрошенных

Образование отца	Образование респондента						Всего (чел.)	(%)
	Неполное среднее	Среднее	ПТУ	Техникум, училище	Высшее			
Неполное среднее	28,1	25,6	9,2	21,9	15,2	1688	52,4	
Среднее	8,3	30,1	11,6	26,3	23,7	575	17,9	
ПТУ	11,3	17,9	23,8	29,8	17,2	168	5,2	
Техникум, училище	6,5	19,8	7,5	26,9	39,3	308	9,6	
Высшее	6,9	10,2	4,2	18,2	60,5	479	14,9	
Всего (%)	18,4	23,2	9,5	23,0	25,9	3218	100	

дипломов о высшем образовании. В целом же восходящая образовательная межпоколенная мобильность превышает нисходящую.

Образовательная мобильность в зависимости от возраста респондента

Картина образовательной мобильности становится более разнообразной, если посмотреть на этот процесс в разрезе возрастных когорт (таблица 5). *Неполное среднее образование*, воспроизводимое почти третью (28,1%) респондентов в целом, преимущественно характеризует лиц старше 60 лет. В следующих когортах происходит резкое уменьшение уровня воспроизводства и, следовательно, резкое увеличение образовательной мобильности выходцев из таких семей, что, очевидно, стало следствием развития экономики страны и действия закона об обязательном полном среднем образовании в советское время.

Отмеченная выше тенденция приблизительно 30%-го воспроизводства детьми *среднего образования* отцов оказалась характерной для всех возрастных когорт, кроме респондентов старше 60 лет. Последние меньше других оставались в отцовской образовательной группе, чаще совершая преимущественно восходящую, реже - нисходящую образовательную мобильность. По количеству получивших высшее образование они не уступают более молодым возрастным группам.

Основными тенденциями образовательной мобильности выходцев из семей, где отец получил *среднее специальное образование*, для всех возрастных когорт являются либо воспроизводство этого уровня, либо восходящая мобильность в группу лиц с высшим образованием. Последнее оказалось наиболее доступным для когорты 30-44-летних. Для процесса воспроизводства *высшего образования* не характерны резкие возрастные отличия. Количество детей, получивших, как и их отцы, дипломы о высшем образовании, постепенно увеличивается с уровня 62% среди 60-летних и старше до 71% среди 30-44-летних. Для самых молодых процесс обучения еще не закончен. Остальные респонденты, двигаясь по нисходящей, преимущественно получали среднее специальное образование, вдвое реже останавливались на среднем общем, и крайне редко получали образование в ПТУ.

Образовательная мобильность с учетом возраста респондентов в полной мере отражает быстрые структурно-экономические изменения в советский период, целенаправленное выравнивание возможностей получения образования для выходцев из всех классов с тем, чтобы обеспечить развивающиеся в период индустриализации отрасли

Образовательная мобильность в разрезе возрастных когорт, в % опрошенных

Образование отца	Возраст респондента	Образование респондента				
		Неполное среднее	Среднее	ПТУ	Училище, техникум	Высшее
Неполное среднее	Старше 60 лет	57,2	14,1	3,7	13,2	11,7
	45-59 лет	20,7	27,9	7,7	24,0	19,8
	30-44 лет	5,2	35,2	14,1	29,8	15,7
	18-29 лет	9,6	31,3	20,9	24,3	13,9
Среднее	Старше 60 лет	22,8	17,5	1,7	28,1	29,8
	45-59 лет	9,5	29,8	6,0	22,6	32,1
	30-44 лет	0,4	31,9	10,0	30,1	27,5
	18-29 лет	4,8	31,1	19,8	27,5	16,8
ПТУ	Старше 60 лет	-	-	-	-	-
	45-59 лет	3,8	11,5	7,7	50,0	26,9
	30-44 лет	6,5	15,2	19,6	32,6	26,1
	18-29 лет	1,4	20,3	39,1	26,1	13,0
Училище, техникум	Старше 60 лет	-	-	-	-	-
	45-59 лет	7,0	15,8	1,7	38,6	36,8
	30-44 лет	1,7	15,0	5,0	25,8	52,5
	18-29 лет	3,4	22,5	14,6	28,1	31,5
Высшее	Старше 60 лет	7,5	5,0	0,0	25,0	62,5
	45-59 лет	0,0	12,7	3,8	17,7	65,8
	30-44 лет	1,1	8,6	1,1	17,8	71,4
	18-29 лет	2,9	10,7	10,7	19,3	56,4

промышленности, строительства, науки, образования и проч. Но шансы получить высшее образование всегда оставались наибольшими для тех, чьи родители закончили высшие учебные заведения.

Тенденции изменения социально-классовой однородности семьи

Эмпирические данные предоставляют сведения о матерях и супругах респондентов. Это дало возможность посмотреть на тенденции изменения социально-классовой однородности семьи с позиций матерей и респондентов-женщин (данные представлены в таблицах 6 и 7).

Оказалось, что наиболее социально однородными являются семьи, в которых мать принадлежит к VI-VII и VIII классам, а наименее - к III-IV. Подобная тенденция сохраняется и для семей респонденток (см. табл. 7), однако социальная однородность семей представительниц VI-VII классов несколько возрастает, а для VIII класса - существенно уменьшается.

Если сравнивать респонденток и их матерей, по статусу занятости принадлежащих к I-II классам, то следует отметить статистически значимое уменьшение количества семей, в которых статус мужа одинаков со статусом жены. Иными словами, среди респонденток-дочерей чаще встречаются семьи, в которых их классовая принадлежность (I-II классы) выше, чем статус супруга. Такие женщины, по сравнению с матерями, значительно чаще становятся спутницами мужчин, являющихся рабочими раз-

**Социально-классовый состав родительской семьи респондентов (с позиции класса матери),
в % от опрошенных**

Класс матери	Класс отца				Всего (%)
	I—II	III—IV	VI—VII	VIII	
I—II	53,8	17,2	24,0	5,0	100
III—IV	22,3	23,7	45,9	8,1	100
VI—VII	10,4	12,8	65,6	11,2	100
VIII	2,6	9,3	23,9	64,2	100

Таблица 7

Социально-классовый состав семьи женщин-респонденток, в % от опрошенных

Класс женщины - респондентам	Класс супруга				Всего
	I—II	III—IV	VI—VII	VIII	
I—II	44,6	16,1	35,8	3,5	100
III—IV	19,5	20,6	51,6	8,3	100
VI—VII	8,3	11,8	74,6	5,3	100
VIII	5,0	7,8	34,7	52,5	100

ных уровней квалификации. Следует отметить, что для мужчин подобная тенденция не характерна. Принадлежащие к I—II классу респонденты так же часто, как и их отцы, выбирают спутниц одинакового с ними социального статуса (около 60%).

Семьи матерей, представляющих VIII класс занятых полу- и неквалифицированным сельскохозяйственным трудом, были более однородными: в 64,2% случаев и мать, и отец работали в сельском хозяйстве. Мужья же респонденток-сельских тружениц чаще принадлежат к VI—VII классам работников физического труда разной квалификации в промышленности. Следовательно, как высокообразованные респондентки, занятия которых принадлежат к сфере умственного труда, так и занятые в сельском хозяйстве, по сравнению с матерями, гораздо чаще заключают брачный союз с рабочими. Затронутая тема, несомненно, требует более глубокого анализа и проведения целевых исследований. Однако даже такое беглое сравнение семей матерей и респонденток позволяет говорить о подвижности структуры украинского общества не только в аспекте воспроизводства или изменения классового статуса, но и с точки зрения социально-классового состава семьи.

Таким образом, применение классовой схемы Дж. Голдторпа для структурирования и анализа процессов социальной мобильности позволяет сделать выводы об эмпирически подтвержденной значительной социальной подвижности украинского общества, когда большинство детей имеют иную классовую принадлежность, чем их отцы. Зафиксировано также существенное преобладание перемещений детей в классы, смежные с классами их родителей, и, соответственно, менее интенсивное движение между более отдаленными позициями в социальной структуре. Наиболее высокий уровень самовоспроизводства и социальной закрытости характерен для верхнего уровня социальной иерархии, т.е. профессионалов высшего и среднего уровней власти, управления, квалификации, крупных собственников, представителей высококвалифицированного умственного труда. Зафиксированы также существенные возрастные от-

личия в направлении и интенсивности социального воспроизводства и социальной мобильности в разрезе возрастных когорт.

Не вдаваясь в споры по поводу целесообразности применения концепций классовой структуры и мобильности, разработанных в пределах обществ с иным социально-экономическим устройством, можно констатировать факт результативности такого применения. Схожесть тенденций социальной мобильности в Украине и, в данном случае, Британии, скорее подтверждает целесообразность. Принципиальная сравнимость результатов говорит о возможности включения украинского общества в кросс-культурные исследования стратификации и социальной мобильности. В то же время обнаружение отличий подталкивает к поиску каналов и механизмов мобильности, присущих нашему обществу с его уникальной социальной историей и культурой, а также к разработке и обоснованию адекватных для Украины моделей стратификации с учетом опыта, накопленного в современной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ganzboom H.B.G., Treiman D.J., Ultee W.C.* Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // *Annual Reviews of Sociology*. 1991. № 17. P. 277-302.
2. Семья и воспроизводство структуры трудовой занятости. К.: Наукова думка, 1984.
3. Межгенерационная трудовая мобильность. К.: Наукова думка, 1988.
4. *Макеев С.А.* Социальные перемещения в крупном городе. К.: Наукова думка, 1989.
5. *Goldthorpe J.H. et al.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1987.
6. *Erikson R., Goldthorpe J.H.* The Constant Flux. Oxford: Clarendon Press, 1992.
7. *Marshall G., Roberts S., Burgoyne C.* Social class and underclass in Britain and the USA // *The British Journal of Sociology*. 1996. Vol. 47. № 1. P. 22-40.
8. *Hamilton M., Hirszowicz M.* Class and Inequality. 1993. P. 203.